

Летели качели

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В тесном грязном кафе сидят за столиком двое – рыхлый мужчина за 35 и девочка-подросток лет 16. Мужчина коротко стрижен, одет неряшливо, небрит – это Стас. Девочка – совершенно обыкновенная школьница, ни колец на пальцах, ни тоннелей в ушах, ни дредов. Джинсы, куртка с капюшоном, кеды. Рыжие волосы разбросаны свободно по плечам. Это Ксения. Стас пьёт кофе из пластикового стаканчика, Ксения просто сидит, спрятав руки в карманах.

Ксения. Ты – педофил?

Стас. Почему педофил?

Ксения. Мне 16.

Стас. Ну не 15 же.

Ксения. А какая разница?

Стас. В 16 по закону уже можно. То есть, если ты согласишься, то меня уже не посадят.

Ксения. А если не соглашусь?

Стас. Тогда могут быть... проблемы. Но я с тобой не для этого тут.

Ксения. А для чего?

Стас. Слушай, ты так разговариваешь со мной, словно мы не знакомы.

Ксения. Конечно. Одно дело сеть...

Стас. И совсем другое – реальность. Всё так. Но я же не другой человек. Я Стас. Тот же самый Стас.

Ксения. Ты толстый.

Стас. Ну и что? Егор Летов тоже под конец таким стал. Это нормально. Это возраст.

Ксения. Ты не Егор Летов.

Стас. Определённо. Я Стас.

Ксения. Ты присылал мне фотки другого Стаса. Намного моложе. И... тоньше.

Стас. Но я хотя бы Стас, а не Dark Moon. Это же глупо. Это так по-детски.

Ксения. Не глупее, чем слать худые фотки.

Короткая пауза.

Стас. Я тоже человек. И мне сейчас неловко. А ты разговариваешь со мной так, будто бы это не я, а кто-то совсем чужой.

Ксения. Конечно я так разговариваю. Я же тебя боюсь.

Стас. Почему?

Ксения. Я тебя не узнаю. Мне не нравится твой голос. Теперь жалею, что заранее не поговорила с тобой по скайпу. Так бы не пришла.

Стас. А что с моим голосом?

Ксения. Он стрёмный.

Стас. Мне обидно.

Ксения. Ты... вы слишком взрослый уже, чтобы обижаться на слова подростка.

Стас. Почему «вы»?

Ксения. Не знаю. Мне неуютно говорить вам «ты». Зря я здесь. Я пойду, можно?

Пауза. Стас допивает кофе, вертит в руках стаканчик, смотрит в него, а не на Ксению. Ксения вопросительно смотрит на Стаса, так и не вынув рук из карманов.

Ксения. Можно?

Стас. Интересно, тут курить нельзя, наверное.

Стас вертит головой, но в помещении нет никого, даже буфетчицы за стойкой. Стас вынимает пачку сигарет, зажигалку, кладёт перед собой на столе. Смотрит на Ксению. Ксения смотрит на Стаса.

Стас. Куришь?

Ксения. Мне 16.

Стас. Что это меняет?

Ксения. Для меня – многое.

Стас. Я вот курить начал в 17, когда меня из института выперли. Прекрасно помню первую свою пачку. Сигареты Bond со вкусом шариковой ручки. Знаешь, иногда стержень писать перестает, так вот берёшь его и начинаешь в него дуть, чтобы...

Ксения. Я поняла.

Стас. Так вот тот же самый вкус во рту после тех сигарет был. Словно ты полчаса стержень сосал. Гадость, короче.

Ксения. Ну и зачем тогда, если гадость?

Стас. Потому что, как говорят, курение успокаивает. Хотя вот мне кажется, что всё наоборот как раз. Я если покурю, то ещё больше нервничать начинаю, руками машу, хожу туда-сюда...

Пауза, во время которой Ксения пожимает плечами, а Стас вынимает из пачки сигарету, вертит её в пальцах, осматривает со всех сторон, дует в фильтр.

Стас. Я долго не говорил родителям. Ну, что меня выгнали. Отец у меня псих. Если на коня подсядет, то может вытворить что-нибудь. Из-за отца я больше месяца каждый день аккуратно ходил якобы на пары, но, в конце концов, что-то такое они с матерью заподозрили. Может быть, потому, что слишком старался.

Короткая пауза.

Стас. Отец спросил пару раз прямо. Ну и пришлось сказать в итоге, чтобы потом ещё хуже не было.

Ксения. А за что выгнали?

Стас. За неуспеваемость. Мне было лень учиться. Я думал, что я – панк.

Ксения. Как Егор Летов?

Стас. Да ну, нет. Летов поэт ведь. А я просто с друзьями пил каждый день и Летова как раз слушал.

Ксения. Вы мало похожи на панка.

Стас. Ты.

Ксения. Вы. Вы мало похожи...

Стас. На панка. Да. Всё потому, что для тебя панк – это атрибутика. А для меня это... даже не образ жизни, а больше способ мыслить, что ли.

Ксения. У вас тоже были длинные волосы?

Стас. Почему «тоже»?

Ксения. Ну Летов же.

Стас. Нет. Отец бы прибил. Ну, может, не прибил бы. Но нашёл бы способ сделать плохо. Я был потайным панком. Катакомбным, как те христиане, которые в двадцатых годах...

Ксения (*перебивает*). Так что же с вами сделал отец за ваше отчисление из института?

Стас. Вами... Ваше... Тобой и твоё.

Ксения. Вами. И ваше.

Короткая пауза.

Стас. За что ты меня вдруг так не любишь? Мы же с тобой...

Ксения. Это всё мелочи. Продолжайте.

Стас. Ах ты...

Ксения. Я тогда пошла, хорошо?

Стас. Нет. Ладно.

Стас берёт сигарету губами, вертит в пальцах зажигалку, после кладёт сигарету на стол. Смотрит на Ксению.

Стас. Он меня не бил, нет. Он просто взял и уничтожил всю мою коллекцию – целиком. Ничего не пропустил. Разорвал все газеты, журналы, фотографии. Растоптал и разломал кассеты. Даже письма от друзей из других городов – и те на мелкие кусочки... Я пришёл домой вечером, а в моей комнате всё усыпано белыми клочками бумаги – как лепестками яблоневых цветов, очень похоже. В самом центре – коричневый ком ленты магнитной из кассет и куски пластмассы. Ящики из стола вынуты и пустые валяются на моей кровати.

Очень короткая пауза.

Стас. Я тогда думал сразу пойти с крыши сброситься. Покричал немного, поплакал. Потом успокоился, комнату убрал, весь мусор затолкал в мусоропровод. И пошёл гулять, убеждая себя не возвращаться. По дороге купил в ларьке пачку сигарет и зажигалку, хотя до этого никогда не курил – боялся, что отец унюхает. А теперь стало пофиг.

Ксения. Вернулись?

Стас. Ну а куда мне было деваться? Жить у друзей?

Ксения. Хотя бы.

Стас. Не, выпивать вместе и слушать «Оборону» – это одно. И совсем другое...

Ксения (*перебивает*). Я поняла. Знаете, мне нужно домой. Я пойду. Не пишите мне больше никогда, пожалуйста.

Стас. Ну... хорошо.

Ксения поднимается со стула, так и не вынув рук из карманов, и уходит. Стас сидит за столом, смотрит на сигарету в своих пальцах. Через несколько секунд берёт её губами, щёлкает зажигалкой, закуривает. Из ниоткуда звучит голос буфетчицы.

Буфетчица. Э! У нас не курят.

Стас затягивается, дымит.

Буфетчица. Я по-русски сказала.

Стас. Я по-русски услышал. Раз не курят, то сейчас же брошу.

Стас затягивается ещё раз, опускает начатую сигарету в стаканчик. Сигарета шипит в остатках кофе. Стас поднимается из-за столика, берёт пачку сигарет и зажигалку, распахивает по карманам куртки.

Стас. Мамаша! Пиво есть у тебя?

Буфетчица (*появляясь за стойкой*). Какая я тебе «мамаша»? Ты откуда вылез такой? Папаша.

Стас. Ага, я папаша. Сына и дочки. А у вас дети есть?

Буфетчица. Ну-ну. Это, что ли, твоя дочка была?

Стас. Да.

Буфетчица. Разведён?

Стас. Точно. Разведён. С дочерью тайком встречаюсь. Да.

Короткая пауза.

Буфетчица. Тебе пиво с собой?

Стас. Со мной.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Стас сидит на кухне и ест пельмени. Его жена, Яна, сидит рядом, подперев подбородок ладонями, локтями упираясь в стол.

Яна. К отцу ходил?

Стас. Ага.

Яна. Как он?

Стас. Стабильно.

Яна. Не говорил ничего?

Стас. Нет.

Короткая пауза.

Яна. Ты пил, что ли?

Стас. Почему сразу я пил?

Яна. Потому что ты, когда выпьешь, всегда так говоришь.

Стас. Как?

Яна. Скупно.

Стас. Я нормально говорю.

Яна. На автомате боишься, что батя заметит.

Стас. Отстань. Я не пил.

Яна. Пил.

Стас. Нет.

Ещё одна короткая пауза.

Яна. Почему так поздно?

Стас. Засиделся.

Яна. У отца-то?

Стас. Ну я потом ещё кофе зашёл выпить.

Яна. Это куда?

Стас. В кафе. В «Весну».

Яна. Это теперь кафе называется?

Стас. Это всегда было кафе.

Яна. Ага. *Вечная весна* для синих.

Стас. Эй.

Яна. Что?

Стас. Не надо.

Яна. Что не надо? Святое трогать?

Пауза, во время которой Стас молчит, а Яна на него смотрит.

Яна. Скажи сразу, что у Егора был. Который Андрей.

Стас. Не был я у Егора, который Андрей. Зашёл к отцу. Потом в кафе. И домой.

Яна. Долго ходил.

Стас. Ну вот так.

Очередная короткая пауза, во время которой Стас уговаривает последний пельмень.

Яна. Слушай. А кто такая эта Тёмная Луна?

Стас. Кто? Какая луна?

Яна. Тёмная.

Стас. Ты сейчас о чём вообще?

Яна. Ну а как её зовут? На самом деле?

Стас. Да кого?

Яна. Ну эту – школьницу. С которой ты переписываешься.

Пауза, во время которой Стас смотрит на Яну, а та – на него.

Яна. Нет, ты не думай. Я всю вашу переписку прочла. С самого начала.

Стас. Зачем?

Яна. О, ты даже не отпираешься.

Стас. Я просто не понял, о чём ты. А ещё больше я не понял, что ты забыла в моём ноуте. У тебя свой есть.

Яна встаёт, отходит к стене, опирается на неё спиной. Долго смотрит на Стаса. Тот сидит и смотрит на Яну. Тарелка его пуста, рядом с ней – вилка.

Яна. Чаю хочешь?

Стас. Лучше кофе.

Яна. На ночь же. Завтра на работу.

Стас. Я с молоком.

Яна. Потом. Мне лень. Сам сделаешь. Молока, кстати, нет.

Стас. Я в холодильнике видел.

Яна. Для тебя молока нет. И кофе, наверное, тоже.

Короткая пауза.

Стас. Пельмени были.

Яна. Ну, их не жалко. Их только ты ешь. У нас. Нет, у себя.

Стас. Ну вот что ты устраиваешь?

Яна. Я ничего не устраиваю. Я хочу спать.

Стас. Ну пойдём спать.

Яна. Я-то пойду. А ты нет. По крайней мере, не здесь точно.

Стас. Ты меня выгоняешь, я так понимаю?

Яна. Я тебя выгоняю, да.

Стас. За то, что я переписывался со школьницей, правильно?

Пауза.

Яна. Стасик. Вот скажи. Зачем тебе вообще нужна семья?

Стас. А зачем вообще нужны семьи?

Яна. Быть вместе. Понимаешь? Быть вместе!

Стас. Так а я разве не...

Яна. Стасик. Мы с тобой проходили это уже давным-давно и не один раз. Просто уйди.

Стас. Но куда я пойду?

Яна. Я не знаю. Школьница одна живёт?

Совсем короткая пауза, во время которой Стас встаёт из-за стола.

Стас. Нет.

Яна. Жаль. Так бы поговорил с ней. О музыке.

Стас. Яна.

Яна. О психоделическом панке. Или как он там называется.

Стас. Яна.

Яна. Про развод давай потом поговорим.

Стас. Вот же блин, накаркал...

Яна. Что?

Стас молчит. Яна стоит, скрестив руки на груди, и смотрит на Стаса.

Стас. Знаешь, самое логичное, что я сейчас могу сделать, так это швырнуть в тебя посудой. Потому что так, наверное, принято, когда ссоришься. Отец бы разбил тарелку о стену, он всегда действовал куда хитрее и тоньше, чем обычный человек, — не давал повода защищаться. Мне, честное слово, очень хочется сделать тебе больно. Но я не буду. Если ты так хочешь, чтобы я ушёл, то я уйду.

Яна смотрит на Стаса. После подходит к столу, берёт тарелку, бросает её в Стаса. Тот, не успев увернуться, ойкает, тарелка, отскочив от его плеча, падает на пол. Яна берёт вилку.

Яна. Могу воткнуть тебе в плечо.

Стас. Лучше положи.

Яна. Могу в горло.

Стас. Это уже чересчур. Убивать меня за общение с малолеткой...

Яна. Стасик, ну мы же ссоримся. Надо делать друг другу больно. Ты сам сказал.

Стас. Я передумал.

Яна замахивается на Стаса рукой с зажатой в кулаке вилкой.

Яна. Просто исчезни.

Стас. Ты меня настолько ненавидишь?

Яна. А то. Помнишь, что ты писал этой Тёмной Луне? «Всех объединяет ненависть».

Стас. Это просто цитата.

Яна кладёт вилку на стол и отходит от Стаса.

Яна. Жаль, конечно, но нас с тобой даже ненависть не объединяет.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Стас один в пустой больничной палате, сидит на стуле между двух металлических коек. Стены в палате пошарпанные, на одной из ссохшихся тумбочек стоит графин с давно высохшей водой – от неё остался отчётливый белый след на стенках графина. Дверь в палату открывается, женщина в белом халате, очень похожая на Буфетчицу, ввозит внутрь инвалидное кресло на колёсах, в котором сидит пожилой мужчина с безучастным выражением лица. Женщина останавливает кресло возле одной из коек и смотрит на Стаса вопросительно. Стас смотрит на женщину.

Медсестра. Ну, мне его положить или как?

Стас. А. Нет, оставьте так пока. А сосед его – всё?

Медсестра. Всё. Завтра новый будет.

Стас. Новый старый человек. Уже скольких соседей поменял, а сам всё никак. Крепкий у меня старичок.

Стас смотрит на мужчину в кресле, Медсестра смотрит на Стаса.

Медсестра. Что-нибудь ещё нужно от меня?

Стас. Нет. Наверное.

Медсестра. Позовёте, когда закончите. Я на посту здесь.

Стас (глядя на мужчину). Позову.

Медсестра идёт к двери.

Стас. Скажите, а вы случайно в кафе не работаете?

Медсестра (*останавливаясь*). В смысле?

Стас. Кафе. «Весна».

Медсестра. Зачем мне работать в кафе, если я работаю здесь?

Стас. Ну мало ли. Вторая работа. Одна воспитываете троих. И старенькая мама у вас на попечении.

Медсестра. У меня нет детей. И маме моей пятьдесят пять всего.

Стас. И сестры, на вас похожей, у вас нет?

Медсестра. Это последний дурацкий вопрос на сегодня? Я могу уже пойти?

Стас. Да-да, извините. Просто вы очень похожи.

Медсестра. Все люди одинаковые.

Медсестра выходит. Стас смотрит на мужчину в кресле.

Стас. И то правда. Особенно если здесь день за днём проводить. Да, папа?

Мужчина сидит в кресле, как и сидел, с безучастным выражением лица.

Стас. А ты знаешь, папа, Яна меня выгнала из дому. Я теперь у тебя в квартире живу. Ты же не против, нет?

Мужчина безучастен.

Стас. Ну и хорошо. Там, правда, условий никаких. Надо бы наконец ремонт закончить, но всё руки никак не дойдут. Да и вроде смысла особого не было, пока ты здесь отдыхал, а я у себя дома жил. А теперь я, вроде как, один. И ты откуда, похоже, домой не собираешься.

Короткая пауза, во время которой Стас смотрит на отца, а тот по-прежнему безучастен.

Стас. Я понимаю, что плохо так говорить, но я был бы рад, если бы ты наконец отправился к маме. Ты, конечно, теперь куда безобиднее, чем был раньше, но всё равно мне дышать не даёшь. Самим фактом своего существования. Ну и да, есть у меня потайной страх, что ты когда-нибудь вернёшься. Выйдешь вдруг из овощного состояния и придёшь домой. Вероятность, конечно, маленькая. Но есть.

Стас поднимается со стула, подходит к инвалидному креслу, ведёт его к окну.

Стас. Видишь, скоро зима будет. Зимой умирать спокойнее, не так жарко. Хотя в печи крематория, в которой ты будешь гореть, не просто жарко. Там пиздец как жарко, прости мне такую лексику. Ну, маму ты в печь отправил, а тебя уже я, вслед за ней.

Стас идёт к одной из коек, укладывается на неё прямо в обуви.

Кресло с отцом остаётся возле окна. Отец по-прежнему безучастен.

Стас. Удивительно, что ты никогда меня не бил. Я всё ждал, когда же ты не выдержишь и врежешь мне. А ты нет, ты – хитрый. Ты бил и ломал реальность вокруг меня, ту реальность, которую я сам для себя пытался выстроить и потом жить в ней. В том, что меня волнует.

Короткая пауза.

Стас. Для большинства людей это всё просто песни. К тому же, песни плохие, страшные, спетые не так, как они привыкли. А для меня это, прости мне мой пафос, та материя, из которой я...

Дверь в палату открывается, заглядывает Медсестра.

Медсестра. Вы ещё не всё?

Стас. Пока нет.

Медсестра. У нас на койках пациентов лежать нельзя. Особенно в ботинках.

Стас *(поднимаясь)*. А без ботинок?

Медсестра. Всё равно нельзя. Но в ботинках тем более.

Стас. Ну хорошо, я на стульчик тогда пойду.

Медсестра. Через сколько мне подойти?

Стас *(сидя на стуле)*. Я позову. Странно, что я в прошлые разы вас не видел здесь. Вы новенькая?

Медсестра. Нет. На койку не ложитесь.

Стас. Не буду уже. Честно.

Медсестра закрывает дверь. Стас встаёт со стула и снова укладывается в ботинках на койку.

Стас. Видишь, папа, я опасный человек. Ничего не боюсь. Настоящий бунтарь. Хотя что ты там видишь, ты же в окно смотришь. Если смотришь.

Стас поднимается с койки, идёт к отцу в кресле, наклоняется к нему, смотрит в глаза, после смотрит туда, куда, по идее, смотрит отец.

Стас *(выпрямляясь)*. На чём я остановился, кстати? А, да. Про матерю говорил. Ты знаешь, когда я впервые на самом деле возненавидел «Гражданскую оборону»? Да, представь себе, был и такой эпизод в моей жизни – несколько очень длинных дней я люто ненавидел Летова и его песни. То есть, как раз ту самую матерю, из которой я и сделан. Не из тебя, папа. Не из мамы. Нет. Внутри меня вас нет, только снаружи.

Короткая пауза, во время которой Стас перевозит кресло поближе к одной из коек, а сам садится на стул.

Стас. Я переписывался тогда с одной девочкой из соседнего города. Бумажные письма друг другу писали. Ну, ты знаешь, да, ты

же сам их рвал. Так вот, мы, можно сказать, дружили по переписке. Дружили так хорошо, что однажды эта самая девочка прислала мне травы. Да, травы, прямо в конверте с письмом лежал пакетик с травой. А я, представь себе, плохо себе представлял тогда, как её курят, поэтому пошёл с ней к Егору. Это мой друг, который Андрей. У него родители тогда как раз на дачу уехали. Мы наделали корявых таких самокруток и скурили их просто так – как обыкновенные сигареты. Не умели правильно. Понятное дело, ничего толком не почувствовали, но изображали друг перед другом всякое – типа, как нам хорошо и весело. Смеялись натужно. Придурки.

Короткая пауза, во время которой Стас шарит по карманам, достаёт пачку сигарет. Отец безучастен как и обычно.

Стас (*вынимая из пачки сигарету и заправляя её за ухо*). В общем, через какое-то время мы решили, что кайф нужно как-то усугубить. И Егор, который Андрей, вынул из шкафа три бутылки вина. На чёрный день прятал, да, – и как раз такой день и наступил, как потом выяснилось. Вино, конечно, не красное сухое. Не из винограда. Жёлтенькое такое пошло, на вид совсем безобидное, но на самом деле совершенно убийственное. Потому что закуски у Егора, который Андрей, не было вообще никакой. А мы всё это ещё и на траву сверху, да.

Стас прячет в карман куртки пачку, встаёт со стула, подходит к окну.

Стас. У Егора, который Андрей, был такой магнитофон – он считывающую головку сам переворачивал. То есть, переставлять кассету не надо было. А на кассете с одной стороны «Некрофилия» была, а на другой «Мышеловка». Мы сидели на балконе, пили, а магнитофон перебрасывал нас раз за разом из царства мёртвых в западню – туда-сюда, туда-сюда, с каждым переворотом головки всё страшнее и темнее. Для меня тогда балкон превратился в длинный такой тоннель из собственных отражений, в каждом из которых была эта жуткая музыка. Особенно меня почему-то песня про «сапог передавит тебя пополам» пугала, я её потом ещё долго не мог без содрогания и тошноты слушать.

Стас подходит к той койке, которая справа от двери, откидывает к стене одеяло, потом идёт к креслу, склоняется над ним, вынимает из него отца, держа того как маленького ребёнка на руках, без особых усилий переносит его в постель, кладёт, накрывает одеялом.

Стас (*усаживаясь на стул*). Мы страшно напились тогда. Я ещё умудрялся между стаканами письмо писать той самой девочке, что прислала мне траву. Писал сначала нормальными буквами и словами, но постепенно буквы становились всё больше и корявее, а слова – всё грязнее. Я так и не отправил то письмо – разорвал в ужасе, не перечитывая, когда пришёл в себя через несколько дней, и смыл в унитаз.

Стас вынимает из-за уха сигарету, смотрит на потолок.

Стас. Не вижу тут дымоуловителей. Но рисковать всё равно не буду. Наверное. Или, может, в окошко покурить? Нет, ладно. Потерплю ещё чуть-чуть.

Стас прячет сигарету за ухо и смотрит на отца, который всё так же безучастен, только теперь в койке и накрытый одеялом.

Стас. Ты же так и не знаешь, что я курю. И не только сигареты. Хотя не только сигареты всё реже и реже. Не так интересно уже.

Короткая пауза, во время которой Стас наклоняется к отцу и закрывает его лицо одеялом.

Стас. Утомлённые вином, мы тогда не заметили, как отрубилась. А разбудила нас рвота. Так плохо мне, наверное, никогда не было — ни до, ни после. Я заблевал весь туалет Егору, который Андрей. А потом каждый угол на улице, по которой кое-как шёл домой, каждый куст, каждую мусорку. Хорошо, что тебя тогда не было в городе. Мама несколько дней меня выхаживала. Я ничего есть не мог, только пил мамины отвары травяные, чтобы желудок на место вернуть. И все эти дни у меня в голове только одна строчка — по кругу, по кругу, по кругу... «В казарменном сне сапог передавит тебя пополам». Вот такая вот психоделия, папа.

Стас поднимается и выходит из палаты. Некоторое время его отец лежит на постели, накрытый одеялом с головой. В палату заходит Медсестра, подходит к койке, на которой лежит отец Стаса, поправляет одеяло, освобождая лицо старика.

Медсестра. Потерпи немного. Скоро сам умрёшь.

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Ксения, не вынимая рук из карманов куртки, стоит посреди комнаты, у стен которой беспорядочно свалены стройматериалы. Возле окна — узкая кровать, на подоконнике — ноутбук. Нет ни стола, ни стульев.

Ксения. Где здесь сидят?

В комнату заходит Стас, на ходу снимая ботинки и куртку. Ботинки ставит возле одной из куч стройматериалов, куртку вешает на крючок на стене.

Стас. Садись на кровать.

Ксения (смотрит на Стаса). А ты?

Стас. А я табуретку сейчас себе принесу.

Стас уходит на кухню, чем-то там гремит. Ксения подходит к кровати, смотрит на неё подозрительно. Кровать аккуратно накрыта чистым пледом. Ксения, так и не вынув рук из карманов, садится

посередине. С кухни с табуреткой возвращается Стас, ставит её в центре комнаты, но не садится.

Стас. Ты хочешь есть, пить? Или что-нибудь ещё?

Ксения. А что ещё?

Стас. Могу музыку включить.

Ксения. Нет, не надо.

Стас. Будем в тишине сидеть?

Ксения. А это плохо?

Короткая пауза, во время которой Стас и Ксения смотрят друг на друга.

Стас. Куртку снимешь хоть?

Ксения. Нет, мне так хорошо.

Стас. Ладно. Кофе, чай? Покрепче?

Ксения. Мне 16.

Стас. Я знаю. Ты говорила.

Ксения. Тогда зачем спрашиваешь про «покрепче»?

Стас. Ты настолько боишься выйти за рамки своих шестнадцати лет?

Ксения. Я не хочу.

Стас. Тогда тебе чай. А мне... не чай. Договорились?

Ксения. Да.

Стас уходит на кухню и гремит посудой. Ксения, не вынимая рук из карманов, освобождается от обуви и садится глубже на кровать, подобрав под себя ноги. Стас возвращается, садится на табуретку. В руках у него стакан, на треть заполненный прозрачной жидкостью с кофейным оттенком.

Стас (поднимая стакан чуть выше головы). Это виски. Точно не хочешь? Могу тебе с яблочным соком сделать.

Ксения. Я, кажется, уже сказала, что нет.

Стас. Я привык, что люди чаще передумывают, чем нет. А ты железная девочка просто.

Ксения молчит. Стас опускает стакан, смотрит в него, нюхает виски, отпивает немного.

Стас. Сейчас кипяток будет, я заварю тебе хорошего чаю. Если не передумаешь.

Ксения. Не передумаю.

Стас выпивает содержимое стакана полностью. Смотрит на Ксению, та смотрит в пол.

Стас. Что изменилось?

Ксения. В каком смысле?

Стас. Ты просила не писать тебе никогда, но написала мне сама. Почему?

Ксения. Скучно.

Стас. Я же старый и толстый. Я же — «вы». И потом — посмотри,

как удивительно плохо я живу.

Ксения смотрит на Стаса, тот показывает на кучи стройматериалов у стен.

Стас. Пол хотел перестелить. Второй год уже всё так и лежит.

Ксения. А у тебя дети есть?

Стас. А ты видишь здесь детей?

Ксения. Ты скажи — есть или нет?

Стас вздыхает, смотрит на стакан.

Стас. Есть. Дочке 13, сыну 10.

Ксения. Ты не с ними живёшь?

Стас. Как видишь. Это квартира отца. Он в доме престарелых.

Ксения. Почему?

Стас. Потому что он целиком и полностью овощ. Баклажан. А у меня нет никакого желания ему подгузники менять. Есть специальные люди, которые делают это за деньги.

Ксения. А я своего никогда не видела.

Стас. Ты знаешь, я был бы рад никогда своего не видеть.

Ксения. Ты какой-то злой. Это ведь папа.

Стас. Римский.

Ксения. Что?

Стас. Ничего. Забей. Сейчас чай будет.

Стас выходит на кухню со стаканом в руке, гремит посудой. Ксения наконец вынимает руки из карманов, расстёгивает молнию на куртке, снимает куртку, кладёт её рядом с собой на кровать. Стас разговаривает с Ксенией из кухни.

Стас. Тебе сахар?

Ксения. А чай какой?

Стас. Зелёный. С жасмином. Очень хороший.

Ксения. Тогда без сахара.

Стас возвращается, в одной руке у него потрёпанный заварник, в другой — чистая чашка. Стас ставит заварник и чашку на табуретку, сам остаётся стоять рядом.

Стас. Точно не хочешь виски попробовать?

Ксения. Точно.

Стас уходит на кухню, практически тут же возвращаясь с ополовиненной бутылкой виски и стаканом в руках. Ставит бутылку и стакан на табуретку рядом с заварником и чашкой.

Стас (садясь на пол возле табуретки). Больше табуреток у меня нет. Отец, когда мать умерла, выбросил всё, по его мнению, лишнее. Поэтому в этой квартире только одна табуретка, один стакан, одна чашка, одна тарелка. И вилка с ложками тоже — по одной штуке.

Ксения. Ты недавно здесь, я так понимаю.

Стас. Пару недель всего. Если отец умрёт, займусь-таки всерьёз

ремонтom. И посуду остальную с мебелью докуплю.

Ксения. А ты сам от жены ушёл?

Стас (наливая себе виски). Сам.

Ксения. Зачем?

Стас. С тобой решил жить.

Ксения. Мне 16.

Стас. Я помню. Музыку включим?

Ксения. Нет.

Пауза, во время которой Стас наливает в чашку чай из заварника и отдаёт чашку Ксении. Та берёт аккуратно, смотрит в чашку.

Ксения. Светлый такой. Почти прозрачный.

Стас. Зелёный, с жасмином.

Ксения. Ага. Пахнет вкусно.

Стас (наливая в стакан виски). У меня тоже вкусно пахнет.

Короткая пауза, во время которой Ксения отпивает из чашки, а Стас ополовинивает стакан.

Ксения. А ты кем работаешь?

Стас. Штамповщиком на заводе.

Ксения. Хорошо зарабатываешь?

Стас. А что?

Ксения. Так. Просто.

Стас. На алименты хватит.

Длинная пауза. Ксения пьёт чай. Стас — виски.

Ксения. А я умереть хочу.

Стас (через паузу). С чего вдруг?

Ксения. Не знаю. Скучно.

Стас. Умирать, потому что скучно? Это что-то новенькое. Как вообще может быть скучно? Ты же живёшь!

Ксения. Ну и что.

Стас. Ну... я не знаю. Столько всего. Мне вот, например, совсем некогда скучать. Я постоянно что-нибудь слушаю, смотрю, читаю. У меня очередь из книг знаешь какая?

Ксения. Я что-то не вижу здесь ни одной книги.

Стас. Забрать надо. Если жена их не выбросила. Эта может. Отец, правда, порвал бы каждую на куски. А эта просто вынесет на мусорку и всё. Если ей лень не будет. Завтра заеду и заберу.

Ксения. Я вот тут подумала. А ты можешь меня убить?

Стас допивает виски. Наливает себе ещё. Пьёт половину. Выдыхает. Смотрит на Ксению.

Стас. Ты чего?

Ксения. Ну, мне самой не очень удобно.

Стас. И как ты себе это представляешь?

Ксения. Мы пойдём в лес. Ночью. В лесу ты меня задушишь и закопаешь.

Стас. Слушай, какой мощный план, а?

Ксения. Ну а что?

Стас. Мне интересно, с чего ты вообще взяла, что я на такое способен?

Ксения. Ты мне такие песни присылал.

Стас. Какие «такие»?

Ксения. Про смерть.

Стас. Ты про «Оборону», что ли?

Ксения. Ну да.

Стас. Там про смерть, по-твоему?

Ксения. Ну да. А про что?

Стас. О господи, чем ты вообще слушала?

Ксения (тоненько напевает). «Накрой подушкой лицо соседа».

Стас. При чём тут это вообще?

Стас поднимается с пола и начинает ходить по комнате. Ксения смотрит на него, держа в руках чашку.

Стас. Я же тебе говорил уже, что нет у него песен про смерть! То есть, конечно, слова про смерть есть, но надо же понимать, что слова не всегда наполнены тем смыслом, который мы привыкли в них вкладывать! По отдельности они означают одно, а все вместе могут значить совсем другое, даже если кажется, что...

Стас раздражённо махает рукой, как бы отбиваясь от кого-то невидимого. Допивает виски из стакана, со стуком ставит его на табуретку, наливает остатки виски из бутылки в стакан.

Стас. Короче, что тебе говорить, если ты не хочешь понимать. Нет у него песен про смерть. Все они про любовь.

Ксения ставит чашку на подоконник и начинает раздеваться. Стас молча на неё смотрит. Ксения раздевается почти полностью, оставляя на себе только бельё. Сметает одежду на пол. Заползает под одеяло.

Ксения. Задуши меня, пожалуйста.

Стас. Что, сейчас?

Ксения. Нет. Потом. В лесу.

Стас. Ну... ладно. Я подумаю.

Стас идёт к кровати.

Ксения. Давай свет выключим.

Стас разворачивается и идёт к выключателю, по пути наткнувшись на табуретку. Пустая бутылка падает на пол и катится. Стас выключает свет. В темноте возвращается к кровати, шуршит одеждой, раздеваясь, потом одеялом, забираясь под него.

Стас. Ты всё неправильно поняла. Его песни не о том.

Ксения. А ты уверен, что сам правильно понял?

Короткая пауза, во время которой темно и тихо.

Стас. Музыку?

Ксения. Нет.

5.

Столик в кафе «Весна», за которым ранее сидели Стас и Ксения, а теперь сидят Стас и Егор, который Андрей. Между ними на столике — ополовиненная бутылка коньяка и пару стаканов. В кафе, кроме них, никого нет, разве что у дальнего столика ошивается какой-то совсем неопрятный Тип непонятного возраста. Буфетчицы, как и обычно, не видно.

Стас. У меня только с одной его песней никак не складываются отношения. Интересно, сможешь ли угадать?

Егор-Андрей. А ты раньше мне о ней говорил?

Стас. Может, и говорил. Я не помню.

Егор-Андрей. Ну, я могу свою сказать. Вдруг у тебя она же?

Стас. Не исключено. Но вдруг и нет.

Егор-Андрей. Это логично, мы же разные люди.

Стас. Разные.

Егор-Андрей. Но музыку слушаем одну. Много лет.

Стас. Ну не факт. Если мы разные, то и музыка для нас разная. Хотя в целом она — одна и та же.

Егор-Андрей. Ну, ты это... Без этих вот давай.

Егор, который Андрей, правой рукой совершает такое движение, словно бы вкручивает невидимую лампочку. Стас смеётся. Егор, который Андрей, берётся за бутылку.

Егор-Андрей. Давай сначала выпьем, а потом я скажу.

Стас. Сначала угадай.

Егор-Андрей. Мне надо выпить. И подумать.

Стас. Тут не надо думать. Ты скажи то, что первое придёт в голову. Скорее всего, попадёшь в точку.

Егор-Андрей. В точку на i.

Стас. Определённо. Так что давай.

Егор-Андрей. Хорошо. Мне кажется, я готов. Сейчас.

Егор, который Андрей, прикладывает ладонь ко лбу и зажмуривается. В это время от дальнего столика отделяется неопрятный Тип и направляется к столику Стаса и Егора, который Андрей. Подходит совсем близко, наклоняется над столиком.

Тип. Мужики. Мужики.

Егор, который Андрей, смотрит на него. Стас на всякий случай отодвигает бутылку подальше от Типа.

Егор-Андрей. Мы знакомы?

Тип. Мужики. А можно я угадаю, а вы мне за это нальёте?

Стас. Чувак, ты вообще кто?

Тип. Да так-то я никто. Ну вот правда, можно я угадаю? А,

мужики?

Егор-Андрей. А имя у тебя есть, никто?

Тип. Да так-то я Коля, мужики. Коля. Ну или Саша. Да, Саша.

Стас. Так Коля или Саша?

Тип. Да, наверное, Саша. Всё-таки. Хотя не уверен я, мужики. Сложный вопрос.

Стас. Послушай, Саша.

Тип. Коля.

Стас и Егор, который Андрей, смотрят на Колю-Сашу. Тот мелко кланяется, улыбается, потирает руки.

Стас. Хорошо, Коля. Или Саша?

Тип. Коля, Коля. Пусть будет уже Коля.

Егор-Андрей. Мой друг Стас пытается до тебя донести вот какую мысль. У нас, понимаешь ли, приватный разговор. И тема, честно говоря, весьма специфическая. Вряд ли ты вообще...

Стас (*перебивает*). Мы обсуждаем творчество любимой нами уже давно группы, о которой ты вряд ли когда-нибудь слышал в принципе. Коля.

Тип. Но мужики. Мужики. Вы же не дали мне даже попробовать. Если я угадаю, вы мне нальёте. Если нет, то я просто уйду и скандалить не буду. Никаких проблем, мужики. Всё честно. Лады? Лады?

Стас смотрит на Егора, который Андрей. Тот – на Стаса.

Стас. Нет, ну а что. Пусть пробует. Жалко, что ли.

Егор-Андрей. Может, даже забавно получится.

Стас. Короче, давай. Жги.

Тип. Мужики, мужики! Я только стульчик свой возьму!

Тип семенит к своему столику, хватая белый пластмассовый стул, по пути с одного из столов снимает грязный стакан. Садится между Стасом и Егором, который Андрей.

Тип. Ну вот я здесь. Готовы, мужики? Готовы?

Егор-Андрей. Да. Рожай уже.

Тип (*указывая на Стаса пальцем*). Тебя вот как зовут, мужик?

Стас. Станислав.

Тип. О, так ты – Стас, мужик. Стас. Как Сададьский.

Стас. Но не Сададьский.

Тип. Точно, точно, мужик. Так вот самая твоя нелюбимая песня у «Гражданской Обороны» – это «Новая Правда». Я прав, мужик?

Пауза, во время которой Стас, не двигаясь, смотрит на Типа, а Егор, который Андрей, смотрит на Стаса. Тип теребит в руках грязный стакан.

Стас. Ты вообще кто? Я тебя знаю?

Тип. Нет, мужик, нет. И я тебя не знаю. Но это ведь закономерно. Никто не любит «Новую Правду», никто. Я не люблю. Ты не любишь. Он (*показывает пальцем на Егора, который Андрей*) не любит. Тебя, кстати, как зовут, мужик?

Егор-Андрей. Егор. Но вообще Андрей.

Тип (смеётся). О, знакомая история, ага!

Стас наливает в стакан Типа коньяку на треть. Тот мелко кланяется, судорожно выпивает, вытирает рот рукавом. Улыбается сначала Стасу, потом Егору, который Андрей.

Стас. Он по паспорту Егор. Но с рождения Андрей. Просто поменял имя на волне фанатизма, а после надоело, а назад менять лень.

Егор-Андрей. Ну, одну половину жизни Андрей, вторую – Егор, а теперь уже не важно, кто.

Тип. Уже не так фанатеешь?

Егор-Андрей. Ну так вырос же! Какой фанатизм?

Тип. Волосы стрижёшь, круглые очки с чёрными стёклами не носишь. Как раньше. Да, мужик? Косуха на даче висит. Да? Да?

Егор-Андрей (через короткую паузу). А ты откуда знаешь?

Стас. Мы точно не знакомы? Ты в какой школе учился?

Тип. В девятнадцатой, мужик. В девятнадцатой.

Стас. Нет никакой девятнадцатой, э!

Тип. А, ну тогда в девятой, да! Точно!

Стас. Мы в восьмой учились.

Тип. А я в девятой. Хорошая школа, девятая, да.

Стас. Мутный ты какой-то.

Егор-Андрей. Нет, но откуда ты знаешь? Про косуху там, очки.

Тип. А что там знать? Я такой же был, как и ты, мужик. Имя, правда, не менял, столько дурусти у меня не нашлось, но волосы растил и направо зачёсывал, очки сам гуашью закрашивал – помнишь, сажа газовая такая была, да? На баночке написано – сажа газовая. Вот мне смешно всегда было, что сажа – газовая. Вообще непонятно, к чему тут газ? Ха! Короче, мужик, косуха моя тоже в прошлом осталась. Как и кеды. И все эти дела с булавками и значками. У всех всё одно и то же.

Стас. Ну нет, тут ты не прав. У меня не так.

Тип. У тебя по-другому, но точно так же. Все люди одинаковые.

Стас. Где-то я уже слышал это.

Тип. Я тебе больше скажу, мужик. Егор тоже такой же.

Егор-Андрей. Кто? Я?

Тип. Нет, не ты. Тот, который Игорь. Который Летов.

Егор-Андрей. Нет, тут ты уже загнул! Давай не будем...

Тип (перебивает). Трогать святое? Да ладно тебе, мужик! Очнись давай. Обычный он человек, к тому же мёртвый уже.

Стас. А тебе-то откуда знать, какой он?

Тип. Так а я с ним пил.

Пауза, во время которой Стас и Егор, который Андрей, смотрят на Типа, а тот смотрит на них, широко улыбаясь и уже не кланяясь.

Егор-Андрей. В смысле ты с ним пил?

Тип. В прямом. Водку.

Стас. Пиздишь.

Тип. Хотел сказать «вот те крест», но это смешно получится, если учесть, что Христу я не верю. Так что просто скажу: честное слово. Сидел с ним, как вот с вами, и выпивал.

Егор-Андрей. Это где же?

Тип. Да вот здесь, мужик! Вот здесь!

Стас. В кафе «Весна»?

Тип. Да! Да, мужик! В кафе «Весна»! Ещё смеялись с ним, что надо было «Вечная весна» назвать – в честь его посещения.

Егор-Андрей. А с какого, прости меня, перепугу Летов тут вообще забыл? Ты меня не обдуришь, ни одного концерта у «Гражданской обороны» в этом городе не было! Егор сюда ни разу не приезжал.

Тип. Ты просто не знаешь. Был квартирник, после него Летов захотел выпить, я предложил помочь с этим, мы пошли сюда, вот здесь, за этим столиком, и сидели, да. Можешь не верить, мужик.

Короткая пауза, во время которой Стас и Егор, который Андрей, не смотрят друг на друга – Стас разглядывает свой стакан, Егор, который Андрей, – свой.

Тип. Всё это творчество его, на самом деле, – полная ерунда. Просто причудливо соединённые между собой при помощи наркотиков слова и намеренно плохая музыка. Мифологию он себе, конечно, качественную соорудил, тут не поспоришь, да. Вот в чём он на самом деле гениален был, так это в продюсировании самого себя. Вот тут он гений, да, мужики. Тут не отнять. А я тоже раньше такой же глупый был, как и вы, да. Спорил, доказывал. Какие-то новые смыслы находил в его песнях, новые настроения. А стоило с ним водки выпить – и всё. Как отрезало. Как отрезало, мужики.

Очень длинная пауза.

Стас. Ты врешь.

Тип. Что, серьёзно?

Стас. Серьёзно. Ты врешь. Не было его здесь никогда и не пил ты с ним.

Тип. А может, и не было. Может, и не пил. Может, мне просто сейчас выпить захотелось, вот я и сочинил всё, да. Я сочинять умею. Хорошо сочиняю. Налейте ещё немного, а, мужики?

Стас и Егор, который Андрей, сидят, не двигаясь.

Тип. Немного. На палец. А, мужики?

Стас и Егор, который Андрей, продолжают сидеть, не двигаясь.

Тип. Ну ладно. Я тогда пойду.

Стас. Иди.

Тип. Но ты запомни, Стас, что я угадал. Ты запомни.

Стас молчит, разглядывая стакан. Тип поднимается со стула и выходит из кафе, забыв свой грязный стакан на столе.

Егор-Андрей (словно очнувшись). Какой-то он стрёмный.

Стас. И не говори. Инфернальный. Хотел я ему сказать, да как-то...

Егор-Андрей (перебивает). Что-то я в туалет хочу. Подожди.

Егор, который Андрей, подрывается с места и выбегает из кафе. Стас, оставшись один, наливает себе коньяку на три пальца и выпивает. Потом ещё раз наливает и выпивает. Потом ещё раз – и выпивает уже остатки.

6.

Стас снова один в больничной палате, сидит на стуле между двух металлических коек. На одной из коек лежит без движения незнакомый старик, смотрит в потолок. Стас смотрит на старика. Тот лежит так смиренно, что как будто бы и не дышит. Стас поднимается со стула, подходит к старику.

Стас. Дедуль. А, дедуль. Ты живой?

Старик вообще никак не реагирует. Стас склоняется над ним, пытаюсь услышать дыхание. Выпрямляется. Несколько секунд стоит, думая. Снова склоняется. На этот раз слушает немного дольше. Выпрямляется. Аккуратно трогает старика за лицо пальцами правой руки. Прикладывает ладонь к его лбу. Медленно убирает. Дверь в палату открывается, другая Медсестра, не похожая на Буфетчицу, ввозит в палату инвалидное кресло с отцом Стаса.

Стас. Я, может, что-то путаю.

Медсестра. Ну.

Медсестра, не торопясь, везёт отца Стаса к окну, там его оставляет и поворачивается к Стасу.

Стас. Посмотрите дедулю, пожалуйста. Дедуля, кажется, всё.

Медсестра. Что – всё?

Стас. Ну, совсем. Вообще.

Медсестра (смотрит на старика в койке). Нормальный.

Стас. Прохладный какой-то. Сильно прохладный. И вроде не дышит.

Медсестра подходит к старику, наклоняется, прикладывает к его шее два пальца, пробует нащупать пульс.

Стас. Или так глубоко дышит, что я не понял.

Медсестра (выпрямляясь). Ну умер. И что?

Короткая пауза, во время которой Стас, замерев, смотрит на медсестру.

Стас (отмирая). Вот так просто?

Медсестра. Вот так просто.

Стас. Я не понимаю. То есть, человек умер, а вы даже не взволнованы? Почему вы никуда не бежите, никого не зовёте?

Медсестра. А зачем? Ему-то теперь что?

Стас. Ну как. У вас вообще должна быть аппаратура вся эта, чтобы на экранчике пульс волнообразно так... струился. И пищал бы, если вдруг прямая линия.

Медсестра. Молодой человек, вы заведение не перепутали? Сюда

людей умирать привозят. Никто никого откачивать не собирается.

Стас. Вам не кажется, что это... несколько цинично, нет?

Медсестра. Вы в коридоре подождёте?

Стас. А чего надо ждать?

Медсестра. За трупом сейчас придут заберут.

Стас. Я даже не знаю. Я с отцом хотел поговорить.

Медсестра смотрит на отца. Тот, как и обычно, совершенно безучастен и повёрнут к медсестре и Стасу спиной.

Медсестра. Будете при трупе общаться?

Стас (*чуть помедлив*). Чёрт. Я в следующий раз не скоро смогу.

Медсестра (*подходя к мёртвому старику*). В общем, я его накрою, а вы поговорите с отцом. Трёх минут вам хватит?

Стас. Думаю, да.

Медсестра накрывает труп старика с головой одеялом и молча выходит. Стас некоторое время стоит возле койки с мертвецом и смотрит на скрытую одеялом фигуру. Потом поворачивается к отцу.

Стас. Нет, ты видел? Ты видел? Человек умер, а его так просто... Нет, я, конечно, понимаю — она тут насмотрелась, но всё равно. Нельзя же так! Как с бревном каким-то, понимаешь? Как с бревном. Да даже хуже. Накрыла и пошла. А мне что делать? Я же его боюсь. Хотя, если подумать, что он может мне сделать? Ничего не может. Но это страх иррациональный.

Стас идёт к отцу, становится рядом, смотрит в окно.

Стас. Вот ты. Что на самом деле мог сделать мне ты? Ударить? Нет, ты меня никогда не бил. Ни разу. Ты даже не кричал на меня. Но почему же я тебя всегда боялся? Нет, не так. Почему я тебя всегда боялся и до сих пор всё равно боюсь? Ты ведь не лучше этого трупа в койке. Разве что дышишь. И кровь гоняешь по организму. Думаешь ли ты? Этого я не знаю. Возможно, да. Возможно, нет. Возможно, ты слышишь каждое моё слово, но смысл этих слов от тебя не просто ускользает. Для тебя этого смысла тупо нет. Не существует.

Стас идёт между коек, позабыв о том, что на койке лежит мёртвый человек, краем глаза замечает накрытое с головой тело, спохватывается, отскакивает, возвращается к отцу.

Стас. Что же они не идут, а? Я с тобой всё равно в такой обстановке нормально разговаривать не смогу. Очень странно себя ощущаю. То ли тело моё само чувствует наличие в комнате мертвеца, то ли я придумываю себе. Какой-то bad trip, честное слово. Меня трясёт — и в то же время я совершенно равнодушен.

Стас медленно подходит к трупу на койке, приподнимает одеяло, достаточно долго смотрит. Труп никак не изменился.

Стас (*не отпуская одеяла*). Лет пятнадцать назад мы с Егором, который Андрей, хорошенько так обожрались тарена. Помнишь, были такие аптечки жёлтые? На случай ядерной войны.

Стас накрывает старика и отходит к отцу.

Стас. Так вот тарен — это противоядие от действия каких-то там отравляющих веществ, я не химик, точно не скажу. Побочный эффект их употребления — жесточайший bad trip и вообще никакой эйфории. Глюки очень страшные. А мы же тогда читали книжки всякие — Тимоти Лири, Теренс Маккена, Джон Лилли. Верили в психоделическую революцию. Попытались достать LSD. Но достали только тарен. Вернее, Егор, который Андрей, достал — то ли украл, то ли купил у кого-то, я не знаю. Я в такие дела никогда не лез, предпочитая оставаться чисто потребителем. Не любил острые ощущения.

Стас снова подходит к мёртвому старику и приподнимает одеяло, разглядывая труп.

Стас. Так вот. Однажды мы переборщили. То есть, съели сначала по одной, нам показалось, что не торкает. Съели ещё. И ещё. И ещё. И тут как накрыло. Я в таком ужасе никогда ещё не был, честно тебе скажу. Мы по лесу шли, я на Егора, который Андрей, смотрел, а он на меня. И вот я смотрю на него и вижу, как у него начинает вырастать нос — становится длинным и острым таким, совсем как у Буратино. А зубы — как у акулы. И огромные слоновьи уши.

Стас накрывает старика, отходит к отцу.

Стас. Когда они придут уже? Позвать их, что ли. Давай я тебя положу.

Стас подходит к отцу, разворачивает его от окна, везёт к койке. Откидывает одеяло, вынимает из кресла отца, держа того как маленького ребёнка, перекладывает в койку, укрывает одеялом.

Стас. Может быть, ты хочешь к нему? Вжиться, так сказать, в новый образ, который тебе очень скоро предстоит осваивать. Нет? Ну ладно.

Стас отходит от койки отца, идёт к окну, разворачивается, опирается спиной на подоконник и так стоит, скрестив руки на груди.

Стас. Мы, конечно, сразу из лесу вышли, потому что слишком уж страшно. И пошли к Егору, который Андрей, домой. Нас, вроде бы, чуть отпустило. Или же так казалось. Потому что дома у Егора, который Андрей, начался какой-то полный ад. Мы, конечно, включили тут же «Оборону» и вместе с ней телевизор, только без звука. Показывали какую-то эротику, что иногда случалось в конце девяностых. Я смотрел на экран, но вместо тел видел таинственный подводный мир, рыбы которого сплетались между собой, сливались, снова разделялись, вообще пропадали. Мне надоело, я взял гитару, пытался что-то такое подыгрывать — типа соло, ага. Но пальцы в струны тупо не попадали.

Стас подходит к креслу и садится в него. Достает пачку сигарет, вынимает одну, заправляет за ухо.

Стас. Потом мы вроде как попадали спать. Но не тут-то было. По крайней мере, в моём случае. Не знаю, что там делал Егор, который Андрей, – я его в том аду хоть убей не помню. Я шатался по квартире, которую его родители покинули на лето ради дачи, пытался что-то найти, о чём сейчас никакого понятия не имею, и постоянно натёкался на людей. Их там точно быть не могло, ни одного из них. Но я видел то одного, то другого. То утонувшего много лет назад одноклассника. То какого-то почти забытого приятеля. То тебя, папа, да. То бывшую подружку Егора, который Андрей. То Игоря Фёдоровича Летова.

Короткая пауза, во время которой Стас вынимает из-за уха сигарету и берёт её губами.

Молодого совсем. Помнишь, была такая серия фотографий, где у него волосы дыбом, одежда вся в булавках, значках? Так вот такого я видел, да. Он стоял и улыбался. А мне было вот как сейчас – и страшно вроде. И, в то же время, вообще никак. Что хуже всего. Я к нему подошёл и пальцем в него – вот так – ткнул. А он так – оп! И рассыпался на мелкие брызги.

Стас достаёт из кармана куртки зажигалку, щёлкает ей, закуривает. Затягивается пару раз.

Стас. Ой, что это я делаю, а? Впрочем, похер.

Стас встаёт с кресла, подходит к окну, открывает его, затягивается последний раз и выбрасывает сигарету в окно. Поворачивается к отцу, не закрыв окно. Подходит к койке отца.

Стас (накрывая отца с головой одеялом). В общем, то же самое ощущение.

Дверь в палату открывается, входят два тощих мужичка далеко за пятьдесят, оба в белых халатах, вкатывают высокую каталку. Один из мужичков, в гигантских очках с толстенными стёклами, смотрит на Стаса, потом на тела в койках.

Мужичок в очках. Так какого берём, э?

Стас (порывисто минуя мужичков и каталку) Не знаю.

Стас выходит. Мужички переглядываются.

Мужичок в очках. Так что, блядь? Тоню звать, что ли?

Мужичок без очков. Да нахуй тебе упала эта Тоня? Бери любого – и поехали.

Мужички, переглянувшись, принимаются ржать.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Ксения и Стас в лесу. Ксения стоит, не вынимая рук из карманов. Стас чуть позади, он явно устал, на плече у него изрядно потрёпанный рюкзак с корявой надписью «ГрОб», сделанной шариковой

ручкой когда-то очень давно.

Ксения. Вот здесь.

Стас (*усаживаясь прямо на прелые листья под ногами*). Рано ещё.

Ксения. Здесь никого нет.

Стас. Ты сама говорила, что ночью.

Ксения. Можно и сейчас. Я лягу на землю, и никто не увидит.

Стас. Нет, я так не смогу.

Ксения достаёт из кармана наволочку, садится на землю, надевает наволочку на голову и сидит так, сложив ладони на коленях.

Стас. Ну что за перфоманс?

Ксения. Мне так легче будет.

Стас, вздохнув, расстёгивает рюкзак, вынимает из него бутылку с виски, отвинчивает пробку, отпивает из бутылки пару глотков, завинчивает, ставит бутылку на землю. Рюкзак кладёт рядом.

Стас. Выпить не хочешь?

Ксения. Мне 16.

Стас. Ты серьёзно?

Ксения. Да.

Стас. То есть, то, что я тебя сейчас убью, это так себе, мелочи? Но вот твои священные 16 – это же просто глыба какая-то, да? Ни сдвинуть, ни даже поколебать?

Ксения. Да.

Короткая пауза, во время которой Ксения сидит с наволочкой на голове, не двигаясь, а Стас берёт бутылку, но, передумав, ставит её на место.

Стас. Удивительное исключение твои 16 сделали для секса, ты не находишь?

Ксения. Я думала, это будет не скучно.

Стас. А оказалось?

Ксения. Скучно.

Стас. В твоём мире когда-нибудь было не скучно?

Ксения. Не знаю. Может быть, было. Я не помню.

Стас. А ты думаешь, что смерть – это не скучно?

Ксения. Нет.

Стас. Тогда зачем?

Ксения. Просто всё закончится.

Стас берёт бутылку, отвинчивает пробку. Отпивает несколько глотков. Завинчивает. Ставит бутылку на землю.

Стас. Я не хочу, чтобы ты умирала, Тёмная Луна.

Ксения. Не называй меня так.

Стас. Почему?

Ксения. Я поменяла имя на настоящее. Ты что, не видел?

Стас. Нет. Я давно уже ноут не включал. И какое же настоящее?

Ксения. Ксения.

Стас. Мне Тёмная Луна больше нравится.

Ксения. Поздно. Я Ксения.

Стас. Я шучу.

Ксения. А я нет.

Стас. Слушай, ты снимешь эту тряпку?

Ксения. Не сниму.

Стас. Ну и сиди так. Дура. А я домой пойду.

Ксения. Ты обещал мне задушить меня.

Стас. Когда это? Ничего такого я тебе не обещал.

Ксения. Ты сказал, что подумаешь. Ты подумал?

Стас. Да.

Ксения. И?

Стас. Я не буду тебя душить.

Ксения (*срывая с головы наволочку и оборачиваясь к Стасу*).
Тогда зачем ты сюда со мной поёрся?

Стас. Ради прогулки. Давно в лесу не был.

*Ксения отворачивается от Стаса, сидит, мнёт в руках наволочку.
Стас смотрит Ксении в спину.*

Ксения. Мне надо, понимаешь? Мне надо.

Стас. А ты понимаешь вообще, что такое убить человека?

Ксения. Ты быстро сделаешь. И всё. И пойдёшь домой.

Стас. Подожди, а ты не в мультике, случайно, живёшь?

Ксения. Нет. Надо просто быстро.

Стас. Говоришь так, словно отнять жизнь — это пакет с мусором в бак швырнуть.

Ксения. А разве нет?

Короткая пауза, во время которой Ксения снова натягивает наволочку на голову, а Стас отпивает ещё несколько глотков из бутылки.

Стас. Когда мне было 16, мы слушали «Гражданскую оборону» — и нам казалось, что мы можем летать. Мы шли в этот лес с магнитофоном, ставили кассету и просто прыгали по поляне под музыку, как дурные козлы. Подпевали, просто орали. И не для того, чтобы перебить или как-то развеять скуку. Нам было интересно жить. Каждую секунду нам было интересно. Потому что мы были уверены, что понимаем, как всё это, вокруг нас, устроено, а раз понимаем, то действительно можно всё. И умирать незачем. Пусть другие умирают, раз им так хочется, а мы точно не будем. А если вдруг и умрём, то исключительно от невыносимости переживаемого счастья. У «Гражданской обороны», кстати, есть такой альбом — «Невыносимая лёгкость бытия». Это такая книжка была, Милан Кундера автор, я даже читал и фильм по ней смотрел, но там вообще о другом. Там, знаешь, история одного хирурга...

Ксения (*перебивает*). Если ты меня не задушишь, то я вот так пойду по лесу, споткнусь и упаду головой на сучок.

Стас. Почему ты выбрала именно удушение?

Ксения. Не знаю. Мне кажется, так надёжнее.

Стас. Тебе надёжнее, а мне утомительнее. А с крыши прыгнуть разве не вернее всего?

Ксения. С крыши все прыгают. Скучно.

Стас. Да ты достала со своим скучно! Скучно, скучно, скучно! С

тобой вот точно не соскучишься.

Ксения. Соскучишься. Я не интересная.

Стас. Все мы не интересные.

Длинная пауза, во время которой Стас допивает содержимое бутылки и отшвыривает её в сторону, а Ксения по-прежнему сидит с наволочкой на голове.

Ксения. Тебе как удобнее – верёвкой или руками?

Стас. У меня всё равно нет верёвки.

Ксения вынимает из другого кармана куртки небольшой моток бельевой верёвки и протягивает его за спину – Стасу.

Стас. А ты подготовилась, чёрт тебя дерит.

Ксения. Да.

Стас делает очень долгий выдох, после берёт верёвку и встаёт, покачиваясь. Разматывает. Подходит к Ксении, набрасывает верёвку ей на шею, обматывает несколько раз.

Стас. Ложись, что ли.

Ксения послушно ложится, мирно сложив руки на груди, ладонью накрыв ладонь. Стас становится рядом на колени и начинает тянуть концы верёвки в разные стороны, стягивая её на шее у Ксении. Ксения сначала лежит спокойно, потом начинает сучить ногами, руками пытается схватить руки Стаса. Стас поднимает руки выше. Стас кричит, не переставая тянуть за концы. Это продолжается довольно-таки долго. Потом Ксения обмякает.

Стас. Всё, что ли?

Ксения лежит, не двигаясь. Стас с трудом поднимается с колен. Некоторое время стоит и смотрит на лежащую Ксению. После судорожно тянет за верёвку, сматывает её, прячет в рюкзак. Бежит по поляне, разыскивая пустую бутылку, находит, тоже прячет в рюкзак. Застёгивает.

Стас. Убил. Вот блядь... Убил. Мама! Я человека убил.

Ксения с громким и очень хриплым вздохом садится. Наволочка по-прежнему у неё на голове. Стас роняет рюкзак, пытается убежать, но возвращается, срывает с головы Ксении наволочку, бьёт Ксению по щекам. Та кашляет, хрипло дышит.

Стас. Давай, давай, просыпайся.

Ксения (чужим голосом). Я не спала.

Стас. Да какая разница! Вставай. Домой пойдём. Напьемся.

Стас помогает Ксении подняться. Ксения стоит не очень уверенно, опирается на Стаса.

Ксения. Ко мне?

Стас. Ко мне.

Ксения. Не могу.

Стас. Почему?

Ксения. Мне 16.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Квартира Стаса, в которой не изменилось ничего. Стас и Яна сидят на кровати, перед ними табуретка, на которой полупустая бутылка вина, бокалы, пепельница, две пачки сигарет. Яна завернулась в одеяло, Стас в трусах и майке. Не курят. Одежда Стаса и Яны лежит комом на подоконнике, накрыв ноутбук.

Яна. Пошли домой. Дети ждут. Они торт купили.

Стас. Ты меня выгнала. И, как я понял, с концами.

Яна. Ты неправильно понял.

Стас. Мне надо ремонт делать.

Яна. Будешь приходить и делать. Сделаешь ремонт — начнём сдавать квартиру.

Стас. А жить мне где?

Яна. Дома.

Стас. Ты меня выгнала. И теперь я здесь «дома».

Яна. Это квартира твоего отца. Крошечная, конечно, вероятно, но он может сюда вернуться. Ты хочешь жить с отцом?

Стас. Он скоро умрёт.

Яна. Ты прямо так уверен. Откуда знаешь?

Стас. По нему вижу. Совсем сдал.

Короткая пауза, во время которой Яна гладит Стаса по шее.

Яна (*очень тихо*). Ну прости...

Стас. Даже если он поправится, я его оттуда забирать не буду. Он уже всё. Выполнил свою функцию — изувечил мне и маме жизнь. Пусть там... сидит.

В дверь звонят.

Стас. Ну нормально.

Яна. Откроешь?

Стас. Нет. Не хочу.

В дверь звонят снова.

Яна. Хочешь, я?

Стас. Не хочу, но можешь открыть. Разбираться тогда тоже сама будешь.

В дверь звонят очень длинным звонком. Яна поднимается с кровати, завёрнутая в одеяло, и идёт к входной двери. Открывает. В комнату входит Егор, который Андрей.

Егор-Андрей (*Яне*). О, а ты чего?

Яна. А ты?

Егор-Андрей. Мне Стас нужен.

Яна. А я не нужна?

Егор-Андрей. Нет. Зачем ты мне?

Яна. А. Ну ладно.

Яна идёт к кровати, усаживается на своё место. Егор, который Андрей, аккуратно запирает за собой дверь, несколько раз дёргая за ручку – проверяя, надёжно ли закрыта. Потом идёт прямо к Стасу так, будто бы Яны в комнате вообще нет.

Егор-Андрей. Стас! Стас!

Стас. Не кричи.

Егор-Андрей. Я не кричу. Стас!

Стас. Ну что?

Егор-Андрей. Стас. Это был дьявол!

Стас. Кто?

Егор-Андрей. Я теперь понял, что это был дьявол!

Стас. Да не ори ты! Кто, ты можешь сказать?

Яна берёт с подоконника свои вещи.

Стас (Яне). Подожди, сейчас вместе пойдём. (Егору, который Андрей) О чём речь вообще?

Яна (Стасу). Я в ванную.

Стас кивает Яне, та уходит, сбросив одеяло, под которым не оказывается никакой одежды, и подхватив свои вещи.

Егор-Андрей. Когда мы с тобой! Тогда! В «Весне»!

Стас. Чего ты орёшь?

Егор-Андрей. Я не ору!

Стас. Чего. Ты. Орёшь.

Егор-Андрей. Я не ору! Я говорю!

Стас. Успокаивайся давай, иначе я тебя слушать не буду.

Егор-Андрей. Ладно. Ладно. Ладно.

Пауза, во время которой Стас наливает в бокал вино, а Егор, который Андрей, ходит по комнате, время от времени сильно вздрагивая.

Стас. Тебе вина налить?

Егор-Андрей. Нет! Я больше не пью! Нельзя пить!

Стас. Что случилось-то? Ты можешь толком рассказать наконец?

Егор-Андрей. Могу. Я могу. Когда мы с тобой тогда сидели в «Весне», к нам подошёл дьявол. И говорил с нами. Только ты не понял, а я – понял! Это был дьявол!

Стас. Ты про типа того стрёмного? Который то ли Коля, то ли Саша?

Егор-Андрей. Именно! Это был дьявол. Только ты этого не понял. А я – понял. Я долго думал и понял. Что это был самый настоящий дьявол.

Стас. Ну был. И что теперь?

Егор-Андрей. Ты не понимаешь? Он ведь снова придёт.

Стас. Куда он снова придёт?

Егор-Андрей. К нам. К тебе и ко мне.

Стас. С чего ты взял, что мы с тобой, два ничтожных уёбка, для

чего-то нужны самому дьяволу?

Егор-Андрей. Ты, может быть, и уёбок, но не я. Во мне сохранилось уважение, знаешь ли... (*Егор, который Андрей, тычет пальцем в сторону потолка.*) Не буду произносить его имя зря.

Стас. Ты же всегда атеистом был?

Егор-Андрей. Ты, может быть, и был, но не я. Нельзя слушать «Гражданскую оборону» и быть атеистом.

Стас. Почему это?

Егор-Андрей. Потому что Игорь Фёдорович Летов был христианин! И я тоже буду христианином! Ко мне приходил дьявол, который всё про меня знал, — и это был серьёзный намёк.

Стас. Намёк на что?

Егор-Андрей. На то, что, если я не одумаюсь, он придёт ко мне ещё раз и уж тогда возьмётся за меня по-крупному. Ты не понял, а я всё понял. Надо всё менять. Всё.

Стас, который всё это время держал в руках наполненный вином бокал, вдруг вспоминает про него и отпивает пару глотков вина.

Стас. Тебе всё-таки налить, может?

Егор-Андрей. Нельзя пить! Нельзя пить! Нельзя пить! Нельзя!

Стас. У-у-у, дружок. Что-то тут не то. Ты точно не принимал ничего?

Егор-Андрей. В смысле?

Стас. Никаких таблеток? Курил, может что?

Егор-Андрей. Какие «таблетки»? Какое «курил»? Я меняю всё! Я полностью отказываюсь от прошлой жизни своей и тебя пришёл позвать вместе с собой, сказать тебе, что надо спешить, потому что...

Стас (*перебивает*). От «Гражданской обороны» тоже?

Егор-Андрей. Что — «тоже»?

Стас. Отказываешься.

Егор, который Андрей, умолкает. Стас допивает вино из бокала и ставит его на табуретку. Из ванной комнаты выходит одетая Яна, идёт к Стасу, садится рядом с ним на кровать.

Егор-Андрей. Я не знаю.

Стас. Вся твоя прошлая жизнь — это только «Оборона» и есть. Потому что всё остальное... Имеет ли для тебя цену всё остальное, если вычесть из него Егора Летова? Чем ты ещё дорожишь, кроме? На самом деле дорожишь?

Егор-Андрей. Может быть, всё-таки... бог важнее, чем Егор Летов?

Стас. А ты уверен, что бог есть? А вдруг его вовсе нет?

Егор-Андрей. Летова тоже нет.

Стас. Но Летов был! А вот был ли бог?

Егор-Андрей. Но Летов умер, и его никогда больше не будет.

Стас. И это повод его разлюбить?

Егор, который Андрей, садится на пол. Яна гладит Стаса по плечу, берёт с подоконника его одежду и протягивает ему.

Яна. Одевайся, пожалуйста. Дети ждут.

Стас, не глядя, берёт вещи, одевается. Егор, который Андрей, сидит на полу и смотрит в сторону.

Стас. Понимаешь, если ты разлюбил, то никакой любви и не было тогда. Так, фанатизм пубертатный, не более. Когда атрибутика важнее, чем отношения между тобой и тем, кого ты любишь. Пусть даже и кажется, что это не взаимно, что это — односторонние отношения. Ты просто забываешь о том, сколько этот человек на самом деле тебе дал. Он, а не какой-то там абстрактный бог, подарил тебе жизнь, понимаешь? Он, а не родители, хотя на первый взгляд это и кажется странным. Родители только сделали тебя, выплюнули в мир вполне себе условную форму, над которой ещё работать и работать. Ты пока не готов, понимаешь? Не состоялся. А уже собираешься отказываться от того, что приобрёл. Если это любовь, то продолжай любить, даже если тот, кого ты любишь, уже умер. Потому что его любви, направленной в твою сторону, столько... До самой старости в её лучах сиять будешь, понял?

Егор, который Андрей, кивает, не глядя на Стаса. Тот поднимается, берёт за руку Яну, та поднимается с кровати за Стасом.

Стас. Мы уходим. Ты остаёшься?

Егор-Андрей. А можно?

Стас. Нет, конечно. Иди домой и ложись спать.

Егор, который Андрей, поднимается и идёт к двери. Останавливается. Оборачивается к Стасу и Яне.

Егор-Андрей. В чём-то ты, конечно, прав. Но всё равно — как ты объяснишь то, что он всё о нас знал?

Стас. Дьявол-то?

Егор-Андрей. Да! Дьявол.

Стас. Да просто сидел чувак и подслушивал. Может, уже не в первый раз. Может, не только нас. Или на самом деле угадал. Совпадения случаются.

Короткая пауза, во время которой Егор, который Андрей, стоит на месте, сильно вздрагивая, а Стас и Яна смотрят на него.

Егор-Андрей. Ладно. Ладно. Пусть так. Но вот только знаешь, чего я боюсь?

Стас. Ещё нет.

Егор-Андрей. Я боюсь, что он к тебе уже приходил. Во второй раз.

Яна. Ну, конечно, Стасик с ним давно заодно. Правда, Стасик?

Стас. Нет. Я атеист. Дьявола не существует.

Егор, который Андрей, показывает на Стаса пальцем, силится что-то сказать, трясёт указующей рукой, после наконец выпаливает.

Егор-Андрей. Дьявол — это ты!

Егор, который Андрей, выскакивает за дверь квартиры.

Стас. Однако новости.

Яна. Да? Я думала, ты в курсе. Иначе зачем бы я звала тебя к себе домой?

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Стас снова один в пустой больничной палате, сидит на стуле между двух металлических коек. Разглядывает руки. Трёт лоб. Хлопает себя по коленям. Ждёт. Через некоторое время дверь в палату открывается, медсестра, не похожая ни на Буфетчицу, ни на ту медсестру, что была в прошлый раз, ввозит в палату инвалидное кресло с отцом Стаса.

Медсестра. Ну, вот и мы.

Медсестра везёт отца Стаса к одной из коек.

Медсестра. Мы себя сегодня хорошо вели на процедурах, не капризничали. Лучше всех себя вели – тихо, спокойно. А сейчас мы пойдём в коечку. (Стасу) Его сразу положить?

Стас. Да нет, не надо. Я сам потом. Пусть посидит.

Медсестра. Ну хорошо. Памперс мы уже поменяли, покушали, с пользой провели время, а теперь поговорим немножко с сыном и ляжем спать. Правда, мой хороший?

Стас. А что, раньше он себя плохо вёл на процедурах?

Медсестра. Не знаю, я тут недавно.

Стас. Он же овощ. Баклажан. Зачем вы с ним сюсюкаете? Он вас не понимает.

Медсестра. Может, не понимает, а может, и понимает. Какая разница? Вдруг ему приятно?

Стас. Знали бы вы его... в его «лучшие» годы.

Медсестра. Это всё ни к чему. Ну, я зайду через – сколько?

Стас. Десять минут.

Медсестра. Через десять минут. Проверю, как ты тут, мой хороший.

Медсестра гладит отца Стаса по лицу, подмигивает ему, улыбается и выходит.

Стас. Надо же. Овощ овощем, а всё равно умудрился за бабой приударить.

Стас встаёт со стула, подходит к креслу отца, разворачивает его, везёт отца к окну.

Стас. А у меня для тебя столько новостей. Жаль только, что ты ни одной из них не услышишь. А даже если и услышишь, то не поймёшь. Но я тебе всё равно обо всём расскажу.

Стас идёт от кресла по направлению к койке отца, укладывается на неё прямо в ботинках, вынимает из кармана пачку, из пачки – сигарету, заправляет её за ухо.

Стас. Представь себе, я вернулся в семью и больше не живу в твоей квартире. И, знаешь, к лучшему. Мрачная квартирка. Не моя совсем. И твоей не стала и не станет. Надо будет сделать ремонт, конечно. И сдавать. Время от времени тебя привозить и показывать тебе, как в твоей квартире живут чужие люди. Шучу.

Стас вынимает из пачки ещё одну сигарету, словно забыв о первой, берёт её губами, достаёт из кармана зажигалку, но не закуривает.

Стас. Это была новость первая. Теперь новость вторая. Егор, который Андрей, – ну, ты помнишь, наверное, мой лучший друг. Он пару раз к нам домой приходил, давно ещё. Так вот, Егор, который Андрей, сошёл с ума. Самым натуральным образом. Его забрали недавно, мать карету вызвала. Он разделся догола, залез на дерево и кричал оттуда на всю улицу, что ему в туалете явился Христос в виде красного раскалённого шара и благословил сражаться с нечистью. Вот и вышел Егор, который Андрей, биться с демонами таким вот загадочным образом. Недавно совсем он приходил ко мне – то есть, к тебе – домой. Рассказывал про дьявола. Меня дьяволом называл. Я-то думал, он таблеток объелся или ещё чего. Помнишь, на ютубе одно время были такие ролики популярны – про людей, которые бутират употребляют? Вот он похоже себя вёл, хоть и чуточку осмысленнее этих убогих. Те так вообще...

Стас поднимается, идёт к окну, приоткрывает его, поджигает сигарету у себя во рту, затягивается. Выдыхает дым в окно.

Стас. Но нет. Он просто сошёл с ума. Получается, тот чувак из «Весны» для него как бы триггером был. Запустил давно подготовленный уже процесс. Отдыхает теперь Егор, который Андрей, в симпатичном белом здании среди сосен. Хорошо там. Воздух. Но я к нему не поеду. Я же для него дьявол. Странно так, сначала этот чувак стрёмный из «Весны» дьяволом был, потом вдруг резко я стал. Словно сразу подхватил. И Яна ещё... Подыграла, называется. А я-то знаю, что никакой я не дьявол. Я скорее тот несчастный волчок из «Сказки сказок», который и за бочок-то никого толком укусить не может. Потому что не понимает, то ли это мир вокруг ненастоящий, то ли он сам. Как там Игорь Фёдорович пел? «Я иллюзорен со всех сторон». Вот именно – со всех. Куда ни посмотри – всё фальшивка, подделка китайская. Что снаружи, что внутри.

Стас выбрасывает бывшую сигарету в окно и закрывает его. Идёт к койке и садится на неё.

Стас. В общем, про сумасшествие Егора, который Андрей, это была вторая новость. Теперь третья, совсем печальная. Даже и не знаю, как тебе рассказать.

Короткая пауза, во время которой Стас потирает затылок. Его отец всё так же безучастно смотрит в окно. Или не смотрит.

Стас. Общался я тут с одной, хм, девушкой, что ли. Да, по

сути, с девочкой, чего уж тут. 16 лет всего. Ксения. Ранее известная как Dark Moon. Или Тёмная Луна, если по-русски. Можно сказать, что мы дружили. Гуляли пару раз вместе. В гости она ко мне приходила. Слушали «Гражданскую оборону». Обсуждали. Пару раз спали. Ну, в смысле – занимались сексом. Один раз я её чуть не убил. Я старался, честное слово! Но не получилось почему-то. Не так просто убить человека. И до обморока страшно это делать. Не знаю, почему решил попробовать – может, пьяный слишком был. Но хорошо, что ничего не вышло. Жалел бы потом. Мягко говоря. Если подумать, то, наверное, вообще с ума бы сходил.

Совсем короткая пауза.

Стас. Она повесилась. Дома, в ванной. На ручке двери. Знаешь, верёвочку привязала крепче, на шею накинула и села. И так и осталась сидеть. Мне об этом её мать написала. Я у Ксении «вконтакте» одним-единственным другом был, вот мать мне и сообщила. Не знаю, зачем. Плохо, наверное, себе представляла, кто я такой. Завтра Ксению из морга надо забирать, помогу матери. Она говорит, что больше некому.

Ещё одна совсем короткая пауза.

Стас. Летят качели моей жизни, да всё как-то без меня. Пролетают мимо, почти задевают, обдают холодным воздухом, спешат вернуться назад. А я только стою и смотрю. Стою и смотрю. Стою и смотрю. А если забраться в них попробую, то получу тяжёлым углом в висок – и на этом все мои приключения тут же и закончатся.

Стас встаёт с койки, подходит к отцу, везёт его к койке, откидывает в сторону одеяло, вынимает отца из кресла, держа как маленького ребёнка, укладывает, накрывает одеялом.

Стас. Не скучай.

Стас выходит из палаты, закрыв за собой дверь.

Некоторое время его отец лежит в койке, после откидывает одеяло, встаёт, ведёт кресло к окну, садится в кресло и смотрит в окно. За окном идёт дождь.

Медсестра так и не приходит.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ, ПОСЛЕДНЯЯ

Стас сидит на табуретке в маленькой, почти совсем пустой квартире, очень похожей на квартиру его отца – даже строительный мусор возле стен почти точно такой же. Рядом со Стасом на двух табуретках стоит гроб, в гробу – Ксения, ногами к нему. По другую сторону от гроба сидит женщина – Мать Ксении, удивительно похожая на Буфетчицу из «Весны» и на Медсестру, похожую на Буфетчицу. Стас смотрит на Мать Ксении.

Стас. Не знаю, будет ли уместным мой вопрос.

Мать. Сейчас ничего не будет уместным. Так что всё равно спрашивайте.

Стас. Ладно. Скажите, вы случайно не в «Весне» работаете?

Мать. Что это — «Весна»?

Стас. Кафе такое.

Мать. Я не работаю в кафе.

Стас. И в доме престарелых тоже?

Мать. И там не работаю.

Стас. Ну... хорошо.

Мать. А что случилось?

Стас. Вы похожи. На двух женщин сразу. Или это они на вас. У вас сестёр нет?

Мать. А вы видите их здесь?

Стас. Ну, вдруг вы в ссоре, не знаю. Пожизненной.

Мать. Я одна. И у родителей была одна, и теперь одна.

Мать гладит Ксению по лицу.

Мать. Работаю на фирме, торгующей автозапчастями. Уборщицей.

Стас. А я — штамповщиком на заводе.

Мать. Что штампуете?

Стас. Детали для авто. Так что почти коллеги.

Мать. Точно.

Короткая пауза, во время которой Стас смотрит на Мать Ксении, а та всё так же гладит Ксению по лицу.

Мать. Расскажите мне про Летова.

Стас. Почему именно про него?

Мать. Ксюша слушала. Все уши мне прожужжала — Летов то, Летов это. Я могу, конечно, погуглить. Но сейчас это как-то странно будет. Так что лучше расскажите, раз уж вы здесь. Как специалист.

Стас. Да какое там... Вам биографию, что ли?

Мать. Не обязательно. Как получится. Что хотите, то и говорите. Как сами понимаете.

Пауза, во время которой Стас поднимается с табуретки, ходит по комнате. Вынимает из кармана пачку, спохватывается, прячет. Садится на табуретку.

Стас. Тут так всегда получается, что начинаешь рассказывать о Летове, а говоришь, в итоге, почему-то о себе. Может быть, потому, что Летов — это слишком обширное что-то, трудно обнимаемое. Пытаешься как-то формулировать то, что понял, а выходит, что ухватил какой-то свой кусочек общего мифа и с ним и носишься. У каждого Летов собственный. Так вот он был устроен, что в сети ума не попадался никогда — и не попадает до сих пор. Можно, конечно, начать что-то такое в том духе, что родился, учился, жил, играл, пел, писал стихи, употреблял всякое, будоражил сердца и умы, но всё это как попытки путешествовать пешком по политической карте мира. Одно время я считал, что Летов — это мой учитель. Но чему я,

в конце концов, научился? Как не понимал ничего, так и продолжаю не понимать. А иллюзия того, что я что-то такое взял и держу, какое-то знамя тотального прозрения, давно уже выветрилась. Осталась, наверное, любовь. Уже просто к человеку. Хотя что это был за человек? Вряд ли кто-нибудь сможет утверждать, что знает. Страшный ли, великий ли, гениальный или же удачно таковым притворяющийся – я не знаю. Я про себя ничего толком сказать не могу, что уж говорить про Летова.

Стас вынимает из кармана пачку, из неё – сигарету, заправляет её за ухо.

Стас. Раз в год мне обязательно снится сон про фальшивого Летова. В этом сне я с ним встречаюсь где-нибудь, случайно или нет, по-всякому бывает, очень радуюсь этой встрече, почти летаю, но постепенно выясняю, что это не настоящий Летов. Это кто-то другой. Всегда кто-то другой. Либо человек его изображающий, либо чересчур на него похожий – и это я, оказывается, обознался. И каждый раз с пониманием того, кто на самом деле передо мной, меня накрывает страшная волна разочарования. Я снова лоханулся. Я снова, вместо человека, за общение с которым отдал бы половину жизни, наткнулся на дешёвую подделку. Однажды это был Градский, представляете? Градский! Играл на рояле, крайне плохо исполнял «Всё идёт по плану», бегал, толстый, по сцене в обтягивающих лосинах.

Стас вынимает из-за уха сигарету, берёт её губами, но спохватывается, пытается убрать в пачку.

Мать. Курите, не бойтесь. И мне одну дайте.

Стас. Точно?

Мать. Да. Одну. Или две.

Стас протягивает Матери две сигареты из пачки. Тянется с зажигалкой, но Мать жестом отказывается. Стас щёлкает зажигалкой у кончика своей сигареты, которая у него во рту, закуривает, выпускает дым. Мать Ксении крошит в пальцах сначала одну сигарету, потом вторую.

Стас. Знаете, что меня больше всего бесит? Вот те люди, которые на него постоянно гнали раньше, – они сейчас люто его полюбили, пишут о нём, слёзы льют, цитируют. Я вроде бы радоваться должен, но нет – я их ненавижу, всем своим существом ненавижу эту падаль, которая всю свою жизнь давила его, смеялась над ним, пальцами у виска крутила, а тут вдруг начала над ним рыдать.

Мать. Я про это ничего не знаю.

Стас. Ну и правильно.

Короткая пауза, во время которой Стас курит, а Мать Ксении отряхивает с ладоней табачные крошки.

Мать. А вы кто были для Ксении?

Стас. Я?

Мать. Вы.

Стас. Не знаю. Пожалуй, совершенно случайный человек.

Мать. А у вас дети есть?

Стас. Есть.

Мать. Много?

Стас. Двое. Дочка и сын.

Мать. А у меня теперь ни много, ни мало. Просто никого.

Мать Ксении смотрит на Стаса, Стас не смотрит на неё.

Стас. Я её не убивал.

Мать. Я про вас ничего и не говорю.

Стас (*обхватывая голову ладонями*). Что-то я игрался, игрался и, кажется, забыл домой пойти.

Мать. Вы вот лучше спойте.

Стас. Спеть?

Мать. Да. Сейчас ничего не уместно, так что можно всё.

Стас. И что спеть? Я не то чтобы умею.

Мать. Из Летова что-нибудь. Самое дорогое.

Короткая пауза, во время которой Стас раскачивается на табуретке, Мать Ксении смотрит на Стаса, Ксения не смотрит ни на кого.

Стас. Хорошо. Я попробую.

Некоторое время Стас раскачивается на табуретке, закрыв глаза и обхватив голову ладонями, потом начинает петь.

Стас (*поёт*). Летели качели без пассажиров... Без постороннего усилия, сами по себе...

ЗАНАВЕС

26-30.09.2016